

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.10>

Волчкова Ольга Олеговна, Краснов Антон Сергеевич

НОРМАТИВНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА ОНТОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Статья посвящена изучению нормативно-теологических оснований происхождения политического и относится к области исследований политической теологии. Авторами в рамках теологической парадигмы рассмотрены основные онтологические концепты политического, проанализировано соотношение ключевых политических понятий - "власть", "авторитет", "суверен". Выявлено ключевое дихотомическое единство богоустановленности и богопоставленности, которое лежит в основе социального феномена власти, соотнесены институциональные категории "ликов власти" - "potestas" и "auctoritas".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/3/10.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 3. С. 56-59. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Онтология и теория познания

Ontology and Epistemology

УДК 101.1

Дата поступления рукописи: 21.01.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.3.10>

Статья посвящена изучению нормативно-теологических оснований происхождения политического и относится к области исследований политической теологии. Авторами в рамках теологической парадигмы рассмотрены основные онтологические концепты политического, проанализировано соотношение ключевых политических понятий – «власть», «авторитет», «суверен». Выявлено ключевое дихотомическое единство богоустановленности и богопоставленности, которое лежит в основе социального феномена власти, соотнесены институциональные категории «ликов власти» – “potestas” и “auctoritas”.

Ключевые слова и фразы: философия; онтология; политическая теология; политическое; Средневековье.

Волчкова Ольга Олеговна

Краснов Антон Сергеевич, к. филос. н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Adelaida389@mail.ru; anton-krasnov1987@yandex.ru

НОРМАТИВНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАЧАЛА ОНТОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО

В современном философском дискурсе методологические, эпистемологические, онтологические и концептуальные основания политического входят в круг научных интересов многих философов. Точка зрения об определённой простоте средневековых теорий и концептов уходит в прошлое, на смену ей приходит более глубокое понимание сложности самих концептов. Тотальная детерминированность богом в христианской онтологии и теологии естественна для эпистемологической модели того исторического периода, но сами средневековые концепты, тем не менее, явно или латентно содержатся и в современных философских учениях.

Актуальность обращения к теме поиска онтологии политического обусловлена необходимостью выявления новых векторов изучения и оценки действий политических акторов различного масштаба. Процесс глобализации, оказывая существенное влияние на международную и внутригосударственную политику суверенных государств, приводит к трансформации самого понимания политического, размывая границы между политикой и другими сферами жизни общества. Однако для того чтобы проанализировать современные трансформации политического, необходимо обратиться к опыту политической онтологии других эпистемологических парадигм. Наиболее интересной и эффективной с исследовательской позиции нам представляется философско-теологическая доктрина Средневековья и ее категориальный аппарат. Средневековая теология и философия явились источником развития политических форм общения и теоретической базой изменения в восприятии политики в целом, в связи с чем **актуальность** выбранной темы не вызывает сомнения. **Целью** данной работы является изучение онтологических начал политического в средневековой нормативно-теологической традиции. **Новизна** исследования заключается в объединении методологических подходов, предполагающих рассмотрение политики и политических категорий с метафизической и институционально-правовой позиций. Теологическая доктрина Средних веков предоставляет возможность объединения двух уровней восприятия и выражение онтологии политического через формально-юридические категории, такие, как «власть», «авторитет», «возможность», «обладание» и т.д. Изучение данных концептов в контексте истории философии представляется необходимым для анализа современных форм трансформации политического.

Эпоха Средневековья представляет собой исторический период создания и развития ряда концептуальных объяснительных моделей, в том числе относящихся к вопросу изучения таких феноменов, как политика и право. Большинство политических теорий и концептов, которые используют в своих работах современные политические философы, были сформулированы в рамках средневековой теологии. Юрист и политический философ Карл Шмитт справедливо замечает: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия» [6, с. 57]. В своих работах «Политический романтизм» [7], «Понятие политического» [8], «Теория партизана: промежуточное замечание по поводу

понятия политического» [9], «Номос Земли» [5] и др. К. Шмитт выдвигает идею об экспликации теологических концептов и необходимости проведения аналогии с христианской теорией креационизма. На наш взгляд, обращение к теологии в контексте изучения онтологии политического и ключевых политических феноменов имеет глубокий методологический потенциал. Но и достаточно распространённая в нашей стране парадигма постструктурализма имеет чёткие параллели и прямые корреляты со средневековым теологическим мифом Апокалипсиса. Основные концепты постмодерновой философской рефлексии строятся на идее «конца», «конечности» как предельной онтологической фазе своего существования, в итоге оставляя перманентное состояние постапокалипсиса. «Смерть автора», «смерть субъекта», «смерть социального» и прочие «нарративы» постмодерна имплицитно включают в себя апокалиптические и постапокалиптические тенденции средневековой мысли.

В рамках теологических и философских учений в эпоху Средних веков выделилась отдельная область знаний – политическая теология. Источники политической теологии можно разделить условно на две большие группы. К первой группе, назовём её догматической, можно отнести тексты Священного Писания, в которых заключались высшая истина и высшее знание. Они служили эпистемологическим базисом для второго вида источников, назовём их доктринальные – это прежде всего Папские конституции в форме энциклик, бреве, рескриптов и булл. Безусловно, что вторая группа источников является производной от первой группы. И если в папских конституциях большую роль играет вопрос легитимации власти как таковой, то в Священном Писании закреплены онтологические основания власти, её природы и феноменов, которые послужили фундаментом для конституирования и выделения политической теологии.

А. Ф. Филиппов отмечает, что термин «политическая теология» был впервые введен в академический оборот отечественным философом-революционером, одним из основоположников анархизма – М. А. Бакунинным [4]. Бакунин в своей работе «Политическая теология Мадзини и интернационал» с позиции атеизма резко критикует идеи итальянского революционера Дж. Мадзини о божественной миссии Италии в мировом политическом движении, а также подвергает критике использование Мадзини теологического дискурса. Тем не менее, несмотря на отрицательную коннотацию использования термина «политическая теология» Бакуниным, сам термин впоследствии прочно вошел в научный оборот и позволяет выстраивать изучение политического в рамках теологической парадигмы.

Несмотря на тот факт, что в современном академическом пространстве все прочнее укореняется тезис о необходимости противопоставления средневековой философии античной традиции, на наш взгляд, Средневековье отражает, преобразует и использует в теологической интерпретации достижения античной философской мысли. Средневековая теологическая традиция предполагает безусловное божественное, сакральное происхождение политического начала. Онтологическая концепция божественного сотворения мира и всех его элементов была характерна и для ряда древнегреческих философов, однако христианская интерпретация обладает рядом специфических особенностей, методологически важных для объяснения происхождения политического в контексте политической теологии. Апостол Павел в Третьем послании Римлянам утверждает онтологическое основание природы власти: *«Ибо нет власти не от Бога; существующие же власти установлены»* (Рим 13:1). Для средневекового типа социальности наличие персонализированных и уникальных правителей – королей, царей, императоров – было естественным делом. С онтологической позиции христианского учения вопрос о власти ставится следующим образом – представляя сам феномен власти как дихотомическое единство богоустановленности и богопоставленности. И если в первом случае речь идёт об институализированном, едином источнике власти, т.е. власть воспринимается как социальный институт Града Земного, то во втором случае, говоря о богопоставленности, речь идёт о конкретизируемых носителях этой власти, где персоналия самого властителя играет не последнюю роль в самой теории. Вопрос власти в общетеоретическом значении представляет собой вопрос одновременно теологический, идеологический и психологический [3, с. 31]. И тем не менее с онтологической стороны учреждённость института земной *власти* Богом не могла вызывать сомнений: *«И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всей землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле»* (Быт. 1:28); *«... славою и честью увенчал его, и поставил его над делами рук Твоих, все покорил под ноги его. Когда же покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему»* (Евр. 2:7-8). Но тем не менее вопрос о богопоставленности и богоустановленности власти, их прямое разграничение в текстах Священного Писания не ставятся прямо, есть лишь некоторые косвенные различия в самом тексте, который и породил множество трактовок среди теологов и философов Средневековья. Решение вопроса различения богопоставленности и богоустановленности земной власти зачастую может сводиться к их отождествлению в рамках прямого религиозного христианского догмата: *«И сказал Даниил: да будет благословенно имя Господа от века и до века! Ибо у Него мудрость и сила; Он изменяет времена и лета, низлагает царей и поставляет царей...»* (Дан. 2:20-21). При этом сам текст Библии содержит лишь одно исключение: *«Каждому народу поставил Он вождя, а Израиль есть удел Господа»* (Сир. 17:14-15).

Таким образом, в самом тексте Писания прослеживается чёткая логика: любая власть исходит от Бога, несмотря на её имманентные свойства, зиждущиеся на самой персоне властителя – он может быть деспотом и тираном, а может быть и монархом благоденствия народа. Здесь происходит отождествление богопоставленности и богоустановленности власти. При этом не имеет значения, *какая эта власть*. Лишь один Израиль есть место царствования Господня. Средневековые представления о мироздании, сформированные

в текстах теологов и непосредственно в Священном Писании, наполнены достаточно уничижительным отношением к Граду Земному, который есть юдоль греха и страданий, и, поскольку вся власть от Господа, то и жестокий правитель вполне соответствовал идее греховного царства и представлялся как некое наказание народу за его грехи. Но в отношении социально-политическом, которое естественным образом включалось в теолого-философский дискурс, проблема власти, её трактовки и онтологического статуса вызвала огромное количество интерпретаций. Естественно, что наиболее яркий расцвет приходился на эпоху Высокого Средневековья, когда борьба между светской властью, которую в подавляющем большинстве случаев представлял монарх, и религиозной властью, представляемой Святым Престолом и Папой Римским, обострялась, велся теоретический поиск различных видов легитимации и легитимности самой власти, поскольку сами тексты Писания и Конституции Папского Престола были инструментом в политической борьбе и попытке адаптации самого учения к каждому конкретному случаю. Вот почему сама персона монарха, его личностные, психологические качества представляли огромную важность. Таким образом, в рамках формальной политической теологии Средневековья разрабатывались различные политико-правовые доктрины, опирающиеся на Священное Писание и Конституции Пап, поскольку сам Папа Римский как преемник первого Папы – апостола Петра – признавался непогрешимым, и все его деяния носили природу воплощения божественной воли и промысла.

Вся история Средневековья представляет собой историю концептуального оформления дихотомии – появления все новых терминов и интерпретаций, объясняющих взаимосвязь политического (то есть мирского) и божественного в различных вариациях. Центральным концептом политической теологии является концепт «власть», который в средневековой традиции находил выражение в четырех терминах: *Auctoritas*, *Potestas*, *Dominium*, *Imperium*.

А. В. Марей в своих исследованиях отмечает, что, так или иначе, все эти термины принадлежат к категории «власть» и используются в качестве «имен власти» в различных контекстах и интерпретациях [2, с. 43]. При этом точный смысл понятий крайне сложно сохранить при переводе на русский язык и без учета особенностей ситуаций, в которых эти термины употреблялись субъектами политического дискурса. Тем не менее Марей предлагает в наиболее общем виде оценивать данные термины в качестве дихотомических пар и переводить *auctoritas* как «авторитет», *potestas* – «мощь», *dominium* – «обладание», *imperium* – «повеление» [Там же, с. 47].

Средневековая христианская традиция предполагала, что «есть два императора, два начала, которыми управляется мир: царская власть и священная власть епископов» (*auctoritas sacra pontificum et regalis potestas*) [10, р. 171]. Таким образом, за императором признавалась “*potestas*”, то есть обладание возможностью действия, а за церковь “*auctoritas*” – авторитет, легитимирующий эти самые действия. “*Potestas*” и “*auctoritas*” – суть две стороны одной медали, два лика власти, и одно без другого невозможно. Правитель, обладающий “*potestas*”, но лишенный “*auctoritas*”, превращается в тирана и деспота, действия которого противоречат божественному замыслу, и население в силу этого обстоятельства получает возможность свержения такого государя. В то же время и церковь, обладая лишь “*auctoritas*”, не в состоянии осуществлять управление обществом без светского правителя, так как, согласно теории «Двух мечей» богослова Бернарда Клервоского, светская власть, дарованная Богом, «второй меч», не может быть использована церковью напрямую, а лишь опосредованно, через действия правителя.

Дихотомия средневековой политической теологии находит отражение и в средневековой концепции короля-суверена. Обширное произведение Э. Кантаровича «Два тела короля. Очерк политической теологии Средневековья» [1] описывает идею обладания правящего короля двумя телами – естественным (смертным) и политическим (бессмертным, невидимым, дарующим право принимать решения и действовать в интересах блага народа). Между двумя телами властителя наличествует невидимое единство, соединяющее между собой мирское и божественное. Однако даже при наличии единения политическое тело короля всегда превосходит естественное – король, в первую очередь, «наместник власти Бога», правитель своей нации. Фигура суверена также представляется секуляризованным образом Христа, отражающим его двойственную природу Бога-человека. Власть суверена божественна, однако не по природе, а по милости, «власть короля есть власть Бога; Она принадлежит Богу по природе, и королю по милости» [Там же, с. 143]. Таким образом, король – это Бог «по милости», и все свои действия он совершает как смертный человек, в то же время наделенный «милостью Божьей». Эти идеи нашли свое отражение в доктрине «король-священник», которая была необычайно популярна в период расцвета Средневековья. Однако с падением роли и авторитета церкви неизбежность центробежных сил обусловила необходимость пересмотра оснований легитимности правителя-суверена. Новые источники легитимности светской власти были найдены в обращении к праву.

Равновесие между двумя ветвями власти было недолгим, в различные исторические периоды Церковь и королевская власть боролись за право обладания “*potestas*” и “*auctoritas*” и, как следствие, сосредоточения всей полноты власти над государством и населением в своих руках. Можно упомянуть три исторические вехи, связанные с декларацией сочинений Пап Александра II, Иннокентия III и Бонифация VIII, которые пытались пересмотреть соотношение “*potestas*” и “*auctoritas*” в пользу церковной власти. Последняя попытка, предпринятая Бонифацием VIII, окончательно оформила конфликт между церковной и светской властью, а действия Папы Римского Климента V привели к историческим событиям, вошедшим в историю под названием «Авиньонское пленение пап», что, в свою очередь, окончательно ознаменовало поражение христианской церкви в борьбе за обладание “*potestas*” и “*auctoritas*”. Королевская власть, исходно владеющая “*potestas*”, приобрела “*auctoritas*”, а вместе с тем и независимость от необходимости церковной легитимации своих действий.

Однако низложение роли института Церкви, являвшегося долгие годы необходимым источником легитимации политической власти, породило необходимость поиска нового легитимирующего начала политического, так как исторический период эпохи Возрождения доказал несостоятельность идеи о самоидентификации и самолегитимации политического практической политикой как таковой. Таким источником, как отмечалось ранее, стало право. Новая доктрина “*religio juris*” («религия права») пришла на смену теологическим догматам. Новое звучание стали приобретать понятия «государство» и «нация», публичные институты власти стали приобретать тот тоталитарный характер, которым ранее обладала Церковь. Обращение к юридическим институциям как к средству легитимации политического в наличное бытие сохраняется и сегодня, однако примечателен тот факт, что в условиях современных реалий право как источник легитимности наделено “*potestas*”, а вот политическое уже сохраняет за собой “*auctoritas*”.

Таким образом, можно сделать **вывод** о закономерном развитии ценностных политико-правовых категорий в период Средневековья. Помимо создания методологического и терминологического аппаратов политического, которые, несомненно, являются достижением христианской теологии, эпоха Средневековья наложила отпечаток также на этическую и идеологическую стороны политики. Политические идеалы, смешиваясь с религиозными ценностями, образовывали новые идеологические доктрины, новые этические принципы и гибридные формы институциональных организаций, нашедшие применение в практической политике Нового и Новейшего времени, начиная с идеологии политического романтизма и заканчивая радикальными политико-религиозными движениями. В связи с чем обращение к изучению теологических начал политического представляется крайне актуальным в условиях современной политической реальности.

Список источников

1. **Канторович Э. Х.** Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд-е 2-е, испр. / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Сергиной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
2. **Марей А. В.** О государствах, королях и законах: Франсиско де Витория и его «Лекция о гражданской власти» // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3. С. 41-51.
3. **Тузов М. Л., Краснов А. С.** Очерки классической политической философии: становление теории реформы как альтернативы революции: учебное пособие. Казань: Казанский ун-т, 2016. 139 с.
4. **Филиппов А. Ф.** К предыстории «Политической теологии» [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/14981> (дата обращения: 28.01.2019).
5. **Шмитт К.** Номос Земли. М.: Владимир Даль, 2008. 672 с.
6. **Шмитт К.** Политическая теология: сборник / пер. с нем., заключит. статья, сост. А. Филиппова. М.: КАНОН-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
7. **Шмитт К.** Политический романтизм / пер. с нем. Ю. Коринца. М.: Праксис, 2006. 460 с.
8. **Шмитт К.** Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35-67.
9. **Шмитт К.** Теория партизана: промежуточное замечание по поводу понятия политического / пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.: Праксис, 2007. 304 с.
10. **Kathleen G. Cushing.** Papacy and Law in the Gregorian Revolution: The Canonistic Work of Anselm of Lucca. Oxford: Clarendon Press, 1998. 246 p.

NORMATIVE-THEOLOGICAL FOUNDATIONS OF ONTOLOGY OF THE POLITICAL

Volchkova Ol'ga Olegovna
Krasnov Anton Sergeevich, Ph. D. in Philosophy
Kazan (Volga Region) Federal University
Adelaida389@mail.ru; anton-krasnov1987@yandex.ru

The article is devoted to studying the normative-theological foundations of the origin of the political and it belongs to the field of research of political theology. In the framework of the theological paradigm, the authors consider the main ontological concepts of the political, analyse the ratio of the key political notions – “power”, “authority”, “sovereign”. The key dichotomous unity of the “ordained by the God” and “established by the God”, which lies in the basis of the social phenomenon of power, is revealed. The paper correlates the institutional categories of “faces of power” – “*potestas*” and “*auctoritas*”.

Key words and phrases: philosophy; ontology; political theology; the political; Middle Ages.